

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой...*

В пору моей учебы в средней школе, в блаженные 70-е годы прошлого, естественно, века, на обложках тетрадей для занятий русским языком, что о двенадцати листах, что о восемнадцати, практиковалось размещать портреты классиков отечественной литературы (включая и советскую, конечно же), графические такие, с приведением, под парсуной самого автора, какой-либо поучительной цитаты из какого-либо его произведения, широко известного, конечно же. Помните, господа, а равно и дамы, ровесники мои? Так вот, тетрадь с портретом Николая Алексеевича Некрасова была «снабжена» именно тем четверостишием, коим «оснастил» аз грешный сию колонку редакторскую в качестве эпиграфа. К чему я это вспомнил, спросите? Надо же как-то и самому в тему втягиваться, и читателя в оную вводить. А казенщина, официоз, словом, канцелярские преамбулы, порядком, признаться, надоели. Скажу лишь, что в годы моих детства-отрочества-юности творчество Н. А. Некрасова, да и сама его личность, трактовались советским литературоведением вполне однозначно, а именно, как пламенного и чистого душой певца народной доли и апологета революционной гражданственности и свободы. Что-то там вскользь упоминали о некоторых «странных» качествах натуры поэта и гражданина, так, неясным мычанием, парой предложений, эскизно, намеками, но и только. А его отношения, в частности, с семейством Панаевых преподносились легко и непринужденно, мол, экая несуразность, недоразумение, то ли еще бывало. Во многом и поэтому ныне считаю, что прошедшее с той поры время дает нам право и возможность сказать о выдающемся русском художнике слова взвешено и без излишней экзальтации, без «перетягивания каната» вправо-влево, исключив огульность и случайные эмоции. Будем проповедовать диалектический подход, дамы и господа, а именно, как призывал в одной из своих известных песен Ю. Визбор: «Спокойно, дружище, спокойно...».

И то верно, двести лет со дня рождения Николая Алексеевича, исполняющиеся в конце сего года, прекрасное основание для уважительного и по возможности объективного взгляда на жизнь и творчество выдающегося русского поэта, создавшего свой неповторимый поэтический стиль и обогатившего отечественную и мировую литературу прекрасными, талантливыми произведениями, являющимися образцами истинного, не показушного гуманизма, кто бы и что бы там не говорил. Другое дело, что художник и человек масштаба Некрасова не может быть, да и в реалиях не был, извините, этаким ангелочком, представителем Создателя на грешной земле, нет, он-то как раз был подвержен и страстям, и сомнениям, и, как любой другой человек, совершал ошибки, а некоторые его действия и поступки вызывали у современников и коллег весьма негативную и бурную, до предельного накала эмоций, реакцию. Чего

только не ставили в вину Некрасову его коллеги-современники: и некие спекулятивные манипуляции с рукописями известных авторов, и в целом коммерческую успешность его литературных «предприятий», и очень расчетливую, можно сказать заранее спланированную, удачливость в карточной игре... И, конечно, же главное — саму его поэзию, о коей не судил в свое время только ленивый литератор или равнодушный критик (ежели сие возможно).

Поэзия Некрасова уже тем, по самой меньшей мере, интересна, что способна до сей поры вызывать неоднозначную реакцию как в читательской среде, так и в литературной, профессиональной. Одни галдят, что это вообще не стихи, а рифмованная проза (они еще, глядишь, объявят это тенденцией и проведут в части, касающейся техники изложения, «линию» к творчеству того же Семена Кирсанова), другие кричат, де, он о народе стенал, а сам был вполне себе обеспечен и сыт, какое право тогда имел, и вообще, аморальный тип, то чуть ли не шведской семьей жил, то крестьянку себе в карты выиграл, как наложницу... публицистика, а не поэзия, проза, сплошной агитпроп... Кстати, едва ли не мощнейшее в творчестве поэта произведение, художественная панорама «Кому на Руси жить хорошо» была попросту не понята множеством коллег и читателей и определена была ими как некое недоразумение. Впрочем, вспомните практически аналогичную реакцию общественности на «Преступление и наказание», а тем более на «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Ф. М. Достоевского, что позволяет сделать пусть не вывод, но предположение об опережающем характере лучших, передовых, произведений литературы относительно развития общественного сознания и позволяет сделать первый шаг к исключению полемики о значимости творчества Н. А. Некрасова. В связи с этим нельзя не упомянуть и о крайне негативной реакции его, с позволения сказать, «единомышленников», революционных демократов, на выход в свет романа «Война и мир» графа Л. Н. Толстого. Одна сатира Дмитрия Минаева, «короля русской рифмы», написанная в размерности лермонтовского «Бородино», чего стоила.

И в этой связи нельзя проигнорировать один вопрос, коему, кстати, К. И. Чуковский посвятил первую часть своего фундаментального труда «Мастерство Некрасова», отмеченного в 1962 г. Ленинской премией (сие, впрочем, можно трактовать очень и очень по-разному). Что это за вопрос? Да, собственно, весьма простой: является ли творчество Николая свет Алексеевича продолжением и развитием традиций, заложенных Александром свет Сергеевичем и Николаем свет Васильевичем? Уж не знаю, стоит ли сегодня тратить силы и время на доказательство вполне очевидного, а именно прямой творческой связи Некрасова с Пушкиным и Гоголем, но еще лет шестьдесят назад, очевидно, поиск аргументов в пользу утверждаемого не оценивался как пустая трата времени. Странно, не правда ли? Но тот же Чуковский вообще начинает с опровержений «реакционных критиков» века XIX, причислявших или якобы причислявших Пушкина к представителям школы чистого искусства.

Хочется перекреститься и возвать искренне, мол, Господи помилуй, и далась же кому-то эта школа «несчастливая», французского и британского разлива, в России толком и не прижившаяся. Западноевропейские пииты, до крайности утомленные гражданской лирикой на злобу дня, обусловленной коллизиями политической жизни своих государств и Западной Европы в целом, вовсе не от жизни бежали, а попытались вернуть поэтическому творчеству эстетическую составляющую в качестве главной, основной. Но и с учетом несомненной суггестивности, условность причисления Пушкина к школе чистого искусства столь очевидна, что и опровержений-то не требует. А равно и связь творчества Некрасова с творчеством его великих предшественников. Тем более, что ранние стихи Николая Алексеевича наполнены аллюзиями и реминисценциями пушкинских образов и даже просто строками, весьма напоминающими строки Александра Сергеевича. *«И в действии пустом кипящий ум...»* (фельетон «Новости», 1845) и *«...умом, // Кипящем в действии пустом...»* (строфа XXII гл. 7

«Евгения Онегина»). «...Наносит хладный свет // Неотразимые обиды... (А. С. Пушкин, «Воспоминание») и у Некрасова в сатире «Современники», даже в 1875 г. «Все под гребенку подстрижено, // Сбито с прямого пути, // Неотразимо обижено...» (2).

А что вы скажете, дамы и господа, сопоставив некрасовское четверостишие из «Поэта и гражданина», уже приведенное здесь в качестве эпиграфа, и строфу пушкинскую из его воззвания «К Чаадаеву»:

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Это же гражданская лирика одного порядка. Строфы сии возможно даже скомпилировать в единое целое и они будут весьма гармонировать, ежели не вполне метрически и ритмически, то смыслово вне всякого сомнения.

Подобным примерам можно посвятить, как минимум, отдельную статью. Некрасов вообще очень часто обращается к Пушкину в течение всей своей творческой деятельности. И это нормально, и вполне объяснимо. У кого же еще сначала учиться было изящной словесности, как не у Пушкина (вспомните, а лучше перечитайте «Кавказского пленника», написанного 16-летним М. Ю. Лермонтовым: там же практически калька с А. С. Пушкина. И ничего страшного. Напротив, все правильно. Это просто такой период в становлении творчества, период учебы), а впоследствии и сверяться с ним, ибо связь устанавливается, в творческом плане, практически кровная. Ну, не на пустом же месте, не из воздуха, не по шучьему веленью» возникли у двадцатисемилетнего Некрасова такие вот прекрасные и полные драматизма строки обращения «К музе»:

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Две строфы всего, но каких! В них целый мир, галактика, вселенная, жизнь, боль, страдание, безысходность и величие. Вот, оказывается, какая сестра у Музы! А ведь это далеко не тривиальный взгляд. Так до Некрасова, по-моему, никто еще не говорил. Никто не осмеливался столь высоко оценить так называемое «подлое сословие», собственно, кормившее всю державу Российскую. Эти восемь строк — поистине прорыв в новое поэтическое пространство. И представив себе все происходящее, вдруг понимаешь, что это действительно так. Именно с этого короткого, но столь глубокого, стихотворения, как утверждалось, и начинается истинный поэт Некрасов. Поэт, невзирая ни на какие прочие обстоятельства, абсолютно самобытный, яркий, искренний, совестливый и сострадательный, тот Некрасов, стихи коего мы читаем, любим и чтим, несмотря ни на какие инсинуации и клеветы со стороны слишком догматичных его биографов, страдающих явным перекосом в интересе к нетворческим нюансам жизни ярчайшего мастера русского слова.

И, казалось бы, вступительная часть закончена, все ясно, пора перейти к более подробному изложению жизни и творчества выдающегося русского поэта, революционного демократа, борца с ненавистными язвами царизма. Все, да не все. Чуть вы-

ше аз грешный практически, хоть и не дословно, пересказал вам, многоуважаемые читатели, сцену из снятого Григорием Козинцевым по сценарию Юрия Германа в 1951 г. фильма «Белинский». Там действительно все показано так, будто бы Некрасов до своего стихотворения «К музе» ничего путного и не создал. А вот знаменитый критик увидел два четверостишия и ободрил неопита, до сей поры занятого скупкой и уничтожением тиража первой, откровенно неудачной, своей книжечки «Мечты и звуки», дескать, вот Николай Алексеевич, можете же, когда хотите. И дело пошло...

Увы, увы нам, дамы и господа, не так все было, совсем не так. Между первой книжкой Некрасова и стихотворением «К музе» пролегли довольно насыщенные восемь лет, в течение коих, под мощнейшим влиянием неистового В. Г. Белинского, и сложились морально-нравственная и творческая позиции молодого Некрасова, писавшего в то время преимущественно прозу и обретавшего свой поэтический стиль, нащупываемый им в немногочисленных стихотворениях, таких как «Чиновник», «Современная ода», «Колыбельная песня», а также начинавшего проявлять, кроме прочего, прекрасные организаторские способности, выпустив литературные сборники-альманахи «Физиология Петербурга» в двух частях и «Петербургский сборник», где были опубликованы как его собственные произведения, так и сочинения Герцена, Достоевского, Григоровича, Тургенева, Гребенки и непременно статьи Белинского. А в 1847 г., через десять лет после смерти А. С. Пушкина, Некрасов встал во главе пушкинского же «Современника». Так что процесс формирования мировоззрения и творческой позиции шел у молодого Николая Алексеевича вполне осмысленно и логично.

Но вот, что меня с определенных пор настораживает и не устраивает в столь, казалось бы, чистом, искреннем, исполненном неподдельного гуманизма, творчестве нашего выдающегося поэта, чьи стихи, по утверждению, например, К. И. Чуковского, стали к тому же новым этапом развития «гоголевского направления», критического реализма, революционного протеста и некоей, не вполне, впрочем, мне понятной, «мужицкой демократии», вот что меня, повторяю, настораживает и не устраивает: отчего-то все эти пропагандируемые «борьба» с реакцией, «протест» против угнетения народа, «революционная демократия», имеющая целью борьбу за «счастье народное», и прочая, и прочая, привели на деле не к светлому будущему, а к преступному, террористическому народничеству и к откровенно уголовной «нечаевщине» с жутким по содержанию, бесчеловечным «Катехизисом революционера». Отчего, преследуя на бумаге чистые и гуманные цели, вся эта срамная революционная камарилья ничего из поэзии Некрасова не усвоила, а выродилась в Ставрогиных, в Иванов Карамазовых, а в реалиях — отнюдь не в книжных зловещих Каракозовых, Желябых, Перовских, Засулич, Фигнер и прочая, и прочая?

И еще одно, весьма существенное, на мой взгляд обстоятельство. Белинский в первую очередь, а вслед за своим наставником и Некрасов, объявили Гоголя и его творчество неким «знаменем борьбы с существующим строем», причем сделали это абсолютно против воли Гоголя, вынужденного в ответ на столь «лихое» действие выпустить в качестве, если угодно, опровержения «Переписку с друзьями». Вы думаете, что явное отмежевание Николая Васильевича от «пламенных борцов» и провозглашаемых ими идеологических принципов литературного творчества смутило великого критика и его ученика? Ни в малейшей степени. Они объявили «Переписку с друзьями» произведением «просто человека» Гоголя, а не Гоголя — писателя, то есть сочинением, не имеющим к творчеству Гоголя никакого отношения, и продолжали везде и всюду «токовать» о «Мертвых душах», «Шинели» и других гоголевских шедеврах, как о «знамени революционной сатиры и борьбы». С моральной точки зрения, по моему, подобное поведение не вызывает ни малейшего сочувствия. Говоря простым языком, зарвались господа ревдемократы. Впрочем, их последователи в веке двадцатом пошли гораздо дальше, нисколько не чинясь моральными и прочими препонами.

Не это ли свидетельство определенного духовного кризиса «прогрессивной» части общества, современного творчеству Некрасова, да и не миновавшего во многом и его самого? Кризис этот ширился и углублялся, пожалуй, с тех времен, когда незабвенный государь-император Петр Алексеевич стал насаждать, в пику православной культуре, протестантские «ценности» на Руси Великой, что спровоцировало впоследствии моду на масонство, распустившегося махровым цветом вплоть до откровенного и неблагодарного провокатора Новикова и уж совсем не разобравшегося в русской жизни Радищева, затем наивное, если не инфантильное, очарование французским левачеством некоторых представителей офицерского корпуса Русской императорской армии, участвовавших в заграничном походе против Наполеона в 1813—1814 г.г., а также наших «философов», вроде Александра Тургенева и Петра Чаадаева... Именно отсюда пролегла прямая дорога к «революционным демократам» в том числе и от литературы. Мода хаять все русское и национальное была «завезена» на родину теми, кто, не испытав влияния родной православной культуры, попадал, обучаясь на Западе, под влияние культуры европейской и объявлял родину отсталой, ибо она западным ценностям привержена не была. Хаять и обличать империю всегда легко и просто, ведь масштабы оной во многом определяют искажение повседневности и ее отличие от идеальных о нем представлений, а сами цели и задачи имперского существования зачастую идут вразрез с обывательским представлением о счастливой и безоблачной жизни. И уж несомненно, что и чиновному диктату, и мздоимству, и прочим порокам, общественным и человеческим, здесь раздолье, поскольку и впрямь «до Бога высоко, а до царя далеко». Поэтому давайте не будем спешить и постараемся немного разобраться во всех предлагаемых обстоятельствах не с позиции советского литературоведения, а взглянув на оные под достаточно критическим углом, хоть и с непременным почтением к столь неповторимому и абсолютно самобытному художнику слова, каким является Н. А. Некрасов. Тем более, что именно его творчество, особенно в сороковые-пятидесятые годы XIX столетия, является ярчайшим доказательством того, что Николай Алексеевич в литературном плане вырос как продолжатель пушкинской поэтической традиции, а в идейно-эстетическом направлении и по глубинной сути своей поэзии, страстно желая быть продолжателем «гоголевской сатиры», он на ее основе создал совершенно новый, уникальный, хоть и не всегда однозначный, литературный стиль, не имевший, пожалуй, явных аналогов в будущем.

* * *

*Труд этот, Ваня был страшно громаден,
Не по плечу одному...*

Итак, будущий классик русской и мировой литературы родился *«28 ноября (10 декабря) 1821 г. в г. Немирове, Подольской губернии, где в то время квартировал полк, в коем служил его отец, поручик и зажиточный помещик Алексей Сергеевич Некрасов»*. Дворянский род Некрасовых происходил из Ярославской губернии, и был некогда весьма и весьма богатым, однако материальное благополучие семьи существенно подтачивала наследственная страсть к карточной игре,— так, дед Николай Алексеевича спустил в карты большую часть своего состояния, да и отец будущего поэта был записным картежником.

Мать Некрасова, Елена Андреевна Закревская, дочь богатого арендатора из Херсонской губернии, явно имела некоторую часть польской крови, воспитывалась в римско-католической традиции, и перешла в православие перед браком, в который вступила против воли родителей. Брак оказался далеко не счастливым. Некрасов, вспоминая мать, говорил о ней как *«о жертве грубой и развратной среды»*(1). Однако светлый образ матери, *«своим благородством скрасившей непривлекательную*

обстановку его детства»(1), сопровождал поэта всю жизнь, он посвятил Елене Андреевне, рано ушедшей из жизни, целый ряд произведений: «Мать», «Рыцарь на час», «Последние песни», а сама идея материнства и образ матери — одна из главнейших положительных сторон некрасовской поэзии. Кстати, по словам поэта, мать очень сочувствовала, в частности, польскому восстанию 1831 г., и «воспевала» его участников. Не здесь ли кроются истоки того весьма спорного «свободолюбия», которое позже получило столь мощное воплощение и развитие в творчестве Некрасова?!

Детство Николая Алексеевича прошло в имении Грешнево, на Ярославской земле, куда отец, выйдя в отставку, перебрался, чтобы избежать допросов о своих контактах с представителями Общества Соединенных славян и Южного общества декабристов в Тульчине, где находилась штаб-квартира 2-й армии, а сам Алексей Сергеевич, будучи участником наполеоновских войн, в которых он потерял трех братьев, и вдобавок, исполняя должность бригадного адъютанта, тесно общался с будущими бунтовщиками и государственными преступниками, нарушившими впоследствии присягу и посягнувшими на устои государства Российского, совершившими не только государственное, но и уголовное преступление.

Однако, несмотря на столь «одиозные» и «крамольные» контакты, в быту отставной офицер, владелец сорока крепостных душ, глава огромного семейства (у будущего поэта было 13 братьев и сестер), вел себя самым неприглядным образом: зверски расправлялся с крестьянами за их «провинности» и недоимки, устраивал бурные оргии с крепостными любовницами и весьма жестоко обращался с законной супругой. Отец Некрасова вообще много сутяжничал, в частности, судился с сестрой за одну крестьянскую душу, позже занял место исправника, в разъезды брал с собой Николая. И тому с детства довелось и часто видеть мертвых, и быть свидетелем наказания крестьян, и одновременно оттачивать свое «чистописание», переписывая деловые бумаги Алексея Сергеевича. Безусловно, подобные детские впечатления также не могли не сказаться впоследствии на умонастроениях поэта.

В 1832 г. Некрасова отдали в Ярославскую гимназию; учился он откровенно плохо, без интереса, конфликтуя с гимназическим руководством, в основном из-за сочиняемых им сатирических стихшков. Там же в гимназии он стал записывать свои романтически-подражательные вирши в тетрадку. Из пятого класса отец его забрал, он всегда мечтал о военной карьере для сына, и в 1838 г. семнадцатилетний юноша был отправлен в Санкт-Петербург, для поступления в дворянский полк (Константиновское артиллерийское училище). Однако Некрасов, встретив гимназического товарища, уже студента, свел многочисленные знакомства в студенческой среде, пренебрег волею отца и стал готовиться к поступлению в университет. Экзамена он не выдержал, поступил вольным слушателем на филологический факультет и провел в университете с 1839 по 1842 г.г., оставшись без средств к существованию и посвящая практически все время поискам заработка.

«Он стал давать уроки и печатать небольшие статьи в «Литературном прибавлении к «Русскому инвалиду» и «Литературной газете». Кроме этого, сочинял для любочных издателей азбуку и сказки в стихах, писал водевили для Александринского театра (под именем Перепельского). Это позволило ему снимать приличную комнату в складчину с двумя юнкерами. Увлечись литературой, Некрасов несколько лет усердно работал над прозой, стихами, водевилями, публицистикой, критикой («Господи, сколько я работал!...») — вплоть до середины 1840-х годов. Его ранние стихи и проза отмечались романтической подражательностью и во многом подготовили дальнейшее развитие некрасовского реалистического метода. У него начали появляться собственные сбережения, и в 1840 году при поддержке некоторых петербургских знакомых он выпустил книжку своих стихов под заглавием «Мечты и звуки» (1).

«В стихах можно было заметить подражание В. А. Жуковскому, В. Г. Бенедиктову и другим. Сборник состоял из псевдоромантически-подражательных баллад с

разными «страшными» заглавиями наподобие «Злой дух», «Ангел смерти», «Ворон» и т. п. Готовящуюся книгу Некрасов отнес Жуковскому, чтобы узнать его мнение. Тот выделил два стихотворения как приличные, остальные посоветовал молодому поэту печатать без имени: «Впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи». Некрасов укрылся за инициалами «Н. Н.». Литературный критик Н. А. Полевой похвалил дебютанта, в то время как В. Г. Белинский в «Отечественных записках» отозвался о книге пренебрежительно. Книга начинающего поэта «Мечты и звуки» совершенно не раскупалась, и это так подействовало на Некрасова, что он, подобно Н. В. Гоголю (который в свое время скупил и уничтожил «Ганца Кюхельгартена»), стал также скупать и уничтожать «Мечты и звуки», ставшие поэтому величайшей библиографической редкостью (в собрание сочинений Некрасова они не вошли)» (1).

«Тем не менее Белинский, при всей суровости своего мнения, упомянул в рецензии на сборник «Мечты и звуки» о стихах, как о «вышедших из души». Однако неудача поэтического дебюта была очевидна, и Некрасов пробует себя в прозе. В его ранних повестях и рассказах отразились собственный жизненный опыт и его первые петербургские впечатления. В этих произведениях действуют молодые разночинцы, голодные поэты, проживающие в нужде чиновники, бедные девушки, обманутые столичными хлыщами, ростовщики, наживающиеся на нуждах бедняков. Несмотря на то, что его художественное мастерство еще было несовершенно, раннюю некрасовскую прозу можно смело причислить к реалистической школе 1840-х годов, во главе которой стояли Белинский и Гоголь» (1). Однако, не стоит столь явно и тесно объединять двух ярчайших представителей русской словесности, уж больно они различаться и по характеру, и по убеждениям, и по творческим установкам. Белинский, безусловно, искренне и глубоко ценил, уважал и любил творчество Гоголя, но когда он в своем неистовстве провозгласил Николая Васильевича и его произведения символом «революционной борьбы с существующим строем», «знаменем и голосом, зовущим чуть ли не на баррикады», Гоголь счел нужным отмежеваться от столь радикальных почитателей, что, впрочем, последних нисколько не смутило и не остановило.

«Некрасов же обратился и к юмористическим жанрам: таковы были балагурная поэма «Провинциальный подьячий в Петербурге», водевили «Феоктист Онуфриевич Боб», «Вот что значит влюбиться в актрису», мелодрама «Материнское благословенье, или бедность и честь», повесть о мелких петербургских чиновниках «Макар Осипович Случайный» и др.» (1).

Вскоре, в 1842 г., происходит сближение Некрасова с кружком Белинского, а через год они знакомятся друг с другом лично. Некрасов начинает работу в библиографическом отделе «Отечественных записок». Белинский, не отмечая Некрасова как достойного прозаика, восторженно отозвался о его стихотворении «В дороге».

— Скучно? скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи,—
Буду, братец, за все благодарен.
«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам...

И ведь совсем не зря рецензия великого критика была восторженной. Уже в этом стихотворении двадцатичетырехлетнего поэта проявились отличительные особенности некрасовского стиля: беспощадный реализм с одной стороны и тончайшее сострадание к человеческому горю, живость чувств, присущих не только людям «благородного происхождения», и та ничуть не унижающая жалость к страдающим людям, та жалость, что имеет в подоплеке любовь к человеку. Именно эти качества и увидел Белинский, именно они и вызвали его безоговорочное одобрение. Следует заметить, что Виссарион Григорьевич уже при знакомстве с Некрасовым *«высоко оценил достоинства его ума»* (1).

«Вскоре после знакомства с Белинским и начала работы в «Отечественных записках» Некрасов стал активно заниматься издательской деятельностью. Ему пришла в голову коммерческая идея: собирать и издавать альманахи с участием знаменитых писателей, не платя им гонорары. Белинский откровенно просил известных литераторов подарить Некрасову повесть, рассказ или стихотворение, чтобы помочь выбраться из стесненных финансовых обстоятельств. Таким образом тот выпустил в свет ряд альманахов: *«Статьи в стихах без картинок»* (1843), уже упомянутые выше *«Физиология Петербурга»* (1845) и *«Петербургский Сборник»* (1846), *«1 апреля»* (1846), в которых дебютировали Д. В. Григорович и Ф. М. Достоевский, выступали И. С. Тургенев, А. И. Герцен, А. Н. Майков. Самыми успешными стали сборник *«Физиология Петербурга»*, в которую Некрасов дал собственный роман *«Жизнь и похождения Тихона Тростникова»* («Петербургские углы»), и *«Петербургский Сборник»*, где были напечатаны *«Бедные люди»* Достоевского. Когда же Белинский решил составить собственный альманах *«Левиафан»* и не смог договориться с авторами, Некрасов перекупил за спиной Белинского все авторские права. Белинскому же он предложил учредить собственный журнал и поместить туда все материалы *«Левиафана»*, на что Белинский согласился» (1). Молодой литератор и ученик оказался в делах издательских и коммерческих предприятиях куда удачливее своего маститого учителя. Очевидно, деловая хватка была у Николая Алексеевича врожденной, он вообще смолodu был весьма расчетливым и мог очень трезво заранее определять перспективы и просчитывать результаты своих действий. А действовать и на литературном поприще он умел быстро и решительно.

Успехи в издательском деле позволили Некрасову совместно с журналистом и литератором Иваном Панаевым приобрести на рубеже 1846—1847 г.г. у П. А. Плетнева на правах аренды журнал «Современник», основанный еще А. С. Пушкиным, куда из «Отечественных записок», оставив редактора-издателя А. А. Краевского, перешла не только «литературная молодежь», но и сам В. Г. Белинский, имевший в новом журнале, впрочем, как и в прежнем, статус рядового журналиста, что нередко ставили Некрасову в упрек. Некрасов был не только редактором и корректором журнала, взвалив на себя огромный объем работы: для составления очередного нового журнала он прочитывал около 12 тысяч страниц рукописей, писал до ста страниц корректуры, переписывал тексты, не прошедшие цензуру; он был еще и одним из основных авторов «Современника». Говоря современным языком, Николай Алексеевич смолodu зарекомендовал себя трудоголиком, пахарем от литературы, признаваясь, что писать, уже в «Современнике», порой приходится более суток подряд, и удивляясь, как, мол, до сей поры паралич не хватил еще правую руку.

В «Современнике» публиковали свои произведения, нашли славу и признание И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, А. И. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. *«Популярности журнала способствовал ряд коммерческих приемов. Подписная цена была ниже, чем у «Отечественных записок»; кроме того, у журнала были бесплатные приложения (так, к первому номеру прилагалась отдельной книжечкой повесть Герцена «Кто виноват?»)»* (1). Од-

нако развивать темы, интересные Н. А. Некрасову и его единомышленникам, революционным разночинцам-демократам, очень мешало «мрачное семилетие», как принято именовать период 1848—1855 г.г., от череды революционных бунтов в Западной Европе до кончины государя-императора Николая I, чьим радением была спасена, в частности, Австро-Венгерская монархия, когда корпус русской императорской армии под водительством генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, по слезной просьбе австрийцев, наголову разбил венгерских повстанцев и прекратил кровавую национал-коммунистическую замятню в соседней с нашей державе. Ужесточение цензуры в России было напрямую связано с западноевропейскими тревожными событиями, к тому же, Николай Павлович не забыл изменников-декабристов, поэтому удивляться тут, собственно, было нечему, а негодовать абсолютно бессмысленно, ибо безопасность Отечества во любые времена всего превыше.

Некрасов, совместно с Авдотьей Панаевой (псевдоним Станицкий), формально супругой И. И. Панаева, ставшей к тому времени гражданской женой Николая Алексеевича, написал и опубликовал в «Современнике» длинные приключенческие романы «Три страны света» и «Мертвое озеро», закрывая ими лакуны, образовавшиеся от цензурных запретов. В середине 50-х годов он серьезно захворал «горловой болезнью» и лечился в Италии, надо сказать, весьма успешно. А вот дела в «Современнике» складывались не столь радужно, ибо в редакции обострился конфликт между двумя литературными группировками: либерального дворянства, возглавляемой И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, В. П. Боткиным и др., и ратовавшей за умеренный реализм и эстетическое начало в литературе, именуемое тогда «пушкинским», и приверженцами революционной, сатирической, русской «национальной школы» сороковых годов, которую ее представители с гордым упорством продолжали называть «гоголевской». Некрасов поддержал, конечно же, второе направление, то есть «революционных разночинцев», идеологов «крестьянской демократии» (как хотите, дамы и господа, но лишь один Господь, очевидно, знает, что эти пламенные трибуны подразумевали под данным определением!!! — прим. авт. В.Т.). Именно в эти годы политического подъема и создаются Николаем Алексеевичем столь знаковые произведения как «Поэт и гражданин» (1856):

*...Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...*

«Размышления у парадного подъезда» (1858):

*...И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошилы пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И покуда я видеть их мог,
С непокрытыми или головами...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдную,*

*Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...*

«Рыцарь на час» (1862):

*...Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..*

«Железная дорога» (1864):

*...Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божьи ратники,
Мирные дети труда!..*

Едва ли кого-то оставят равнодушным эти строки, вряд ли не вызовут они в чьей-либо душе сострадания. Ни на миг не может возникнуть сомнение в искренности автора, в его личных, глубоких переживаниях и в искреннем сочувствии к страдающим,— Некрасов, как никто, пожалуй, умеет поставить себя на место героев своих стихотворений и поэм, при этом не «перебирая» с пафосом и патетическими интонациями. Опять-таки, многие, писавшие о его литературном стиле, от «реакционных» критиков, вроде О. Колядина (псевдоним А. И. Рыжова) до Г. В. Плеханова, стремились втиснуть творчество Некрасова в рамки одной единственной поэтической манеры, не понимая или не желая понимать, что поэт обладает способностью работать в совершенно разных стилистических направлениях. Мало того, критики просто напроголо спекулировали восторженным отзывом Белинского в письме Тургеневу от 19 февраля 1847 г.: «Некрасов написал страшно хорошее стихотворение!.. Что за талант у человека! И что за топор его талант!». (В. Г. Белинский, *Избранные письма*,

т. 2, М. 1955. Стр. 297) (2). И вот из-за этого «топора» даже Плеханов объявлял поэзию Некрасова «топорной» и «прозаичной». Что уж говорить об устойчивых недоброжелателях поэта.

А ведь всем своим творчеством Некрасов доказывал и доказал в итоге совершенно обратное. В этой связи, как мне представляется, очень показателен ответ Н. С. Гумилева на вопрос, как он относится к тираде И. С. Тургенева, будто «в стихах Некрасова поэзия и не ночевала»? Николай Степанович ответил кратко и ясно: «Прозаик не судья поэту» (Н. С. Гумилев. Письма о русской поэзии, М. Современник, 1990. Стр. 279. Ответы на анкету об отношении к поэзии Н. А. Некрасова). Там же Гумилев говорит о стихотворной технике Некрасова, отмечая «замечательно глубокое дыханье, власть над выбранным образом, замечательную фонетику, продолжающую Державина через голову Пушкина», а также о том, что в период отрочества (14—16 лет) поэзия Николая Алексеевича была для него дороже поэзии Пушкина и Лермонтова.

Очень важное, на мой взгляд, замечание. Именно в отрочестве и юности, когда формируется характер, отношение к жизни, к общественным явлениям, к людям вообще и к человеку в частности, гражданская лирика Некрасова просто необходима, ибо проповедует она честность, гуманизм, совесть и сострадание, борьбу с несправедливостью, за правду и счастье народа-труженника. Николая Алексеевича, несомненно и с полным правом, можно считать одним из «столпов» гражданской лирики в отечественной поэзии, ведь именно в произведениях Некрасова гражданские мотивы обрели новое звучание, свежее и мощное, даже яростное порой. А неприятие подобной поэзии многочисленными «критиками» было, на мой взгляд, обусловлено либо неприкрытой завистью и враждебностью к подобным темам и к поэту лично, либо аберацией близости современников, ведь большое, как известно, видится... ну, сами знаете, дамы и господа.

Теперь я хотел бы сказать вот о чем: в данном своем повествовании аз грешный не имею ни малейшего желания рассматривать и препарировать личную жизнь Н. А. Некрасова и намерен говорить в целом о поэтических его заслугах. Ежели кого-то интересует так называемый «Панаевский цикл» стихотворений поэта, то исполать вам, читайте себе спокойно, там множество искренних и проникнутых истинным чувством стихотворений. Я лишь хочу обмолвиться, что отношения Некрасова с Авдотьей Панаевой не вызывают у меня никаких положительных эмоций, учитывая тот факт, что 16 лет они прожили втроем, т.е. «на одной жилплощади» (прошу прощения за намеренный канцеляризм) с законным мужем Иваном Панаевым, коему Некрасов даже, по свидетельству некоторых, «закатывал сцены ревности». Замечу лишь, что у гражданских супругов дважды рождались дети, увы, умершие во младенчестве. Очевидно здесь проявилась некоторая тяга к эпикурейству или попросту врожденный гедонизм Некрасова, который умел любить жизнь во всех ее проявлениях, и в определенных удовольствиях себе не отказывал. На мой взгляд, в данном «треугольнике» положительных сторон попросту не было, но, впрочем, Господь им судья, поскольку подобное «недоразумение» отнюдь не уникальное явление. Творческое же сотрудничество Авдотьи Яковлевны и Николая Алексеевича оказалось в определенной степени плодотворным, о чем я уже упоминал выше. Но с кончиной И. И. Панаева в 1862 г., отношения гражданских супругов и литературных соавторов прекратились навсегда.

Начало 60-х годов XIX в. вообще стало для Некрасова временем потерь и испытаний. Умер Н.А. Добролюбов, были сосланы Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов, кстати, вполне справедливо и за конкретные антигосударственные шаги. Но и Добролюбов, и Чернышевский были практически абсолютными единомышленниками Некрасова, они поддерживали и его творчество, и творческую направленность «Современника», поэтому смерть одного и ссылка второго стали чувствительными «ударами» для Некрасова. Общественно-политические события также не радовали поэта.

«В 1861 году государь-император Александр II упразднил крепостное право. Некрасов резко отрицательно воспринял Манифест 19 февраля 1861 года, откликнувшись на реформу стихотворением «Свобода», в котором отразились его собственные наблюдения над переменами в деревне: «Родина мать! По равнинам твоим // Я не ездил еще с чувством таким!» Эти чувства были вызваны надеждами на улучшение жизни крестьянина, а новую крестьянскую реформу он считал лишь еще одними «сетями» для крестьянства: «Знаю: на место сетей крепостных // Люди придумали много иных...». В дальнейшем он неоднократно возвращался к этой теме. Самым известным его высказыванием на эту тему были строчки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

*Распалась цепь великая!
Распалась и ударила
Одним концом по барину,
Другим — по мужику!*

Некрасов благополучный выход для крестьянства видел в индивидуальном хозяйстве. Он был сторонником американского пути развития капитализма в России, выступал за ликвидацию пережитков крепостничества, за передачу крестьянству помещичьей земли, за политический и культурный рост мужика» (1).

Вот только не вполне понятно, как себе представлял Николай Алексеевич «политический рост мужика»? Это нечто из той же эфемерной, с позволения сказать, области, что и «мужицкая демократия», поскольку о какой демократии может идти речь у единоличного хозяина земельного надела? А в столь консервативном общественном институте, коим являлась крестьянская община, и подавно, невзирая на якобы возможность решения любого вопроса всем «обществом», стесненном вековыми нормами жизненного уклада. Утопические надежды на неосуществимые преобразования, вообще увлечения различного рода социалистическими, абсолютно утилитарными по сути, «утопиями», принесли огромный вред развитию русского общества в целом и существенно дезориентировали творческих «революционных демократов», не ощутивших, что в своем крайнем выражении утилитаризм приводит к тоталитаризму с весьма существенной составляющей уголовной преступности, в качестве средства решения любых задач и достижения конечной цели, и никуда более.

Напряженная творческая деятельность Некрасова продолжалась и в столь сложные для него времена. А предшествующие годы были очень и очень плодотворными: цикл «Последние элегии» (1853), первая книга «Стихотворения Н. Некрасова» (1856); и одновременно Николай Алексеевич помогал А. А. Фету с изданием второй книги стихотворений и приветствовал новое издание коллеги очень теплой и вдумчивой рецензией на страницах «Современника»; поэма «Коробейники» и второе издание «Стихотворений. Н. Некрасова (1861), поэма «Рыцарь на час», стихотворения «Зеленый шум», «В полном разгаре страда деревенская» (1862), поэма «Мороз, красный нос», стихотворения «Орина, мать солдатская», «Памяти Добролюбова», «Железная дорога» (1863—1864), и, наконец, через год выход в свет первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», несомненного поэтического шедевра, не имевшего аналогов в отечественной поэзии.

*...Эх! эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера*

*И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...*

Интересно, что «стилистика у Некрасова всецело подчинялась тематике. Каждая тема определяла собою характер отбора тех или иных... вариантов» (2). Причем стилем «народной песни» Николай Алексеевич владеет мастерски, ведь те же «Коробейники» и начинаются всем известными строками «Ой, полным полна коробушка...», это ли не лучшее доказательство глубочайшего понимания поэтом народного песенного стиля. Причем и в «Коробейниках», и другой, полной трагизма поэме «Мороз, Красный нос», «новелла сливается с песней или перерождается в песню...» (2).

*..Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,
Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...*

Жанровое разнообразие творчества Некрасова несомненно, его произведения говорят сами за себя. Поэт был одинаково силен и в пафосной лирике, и в народной песне, и стихотворной новелле, и в журнально-злободневных стихах, а также и в торжественной ораторской речи, и в обличительной сатире. Недаром же в 1858 г. Некрасов и Добролюбов основали сатирическое приложение к журналу «Современнику» — «Свисток». Первые два номера составил Добролюбов, а с третьего уже Некрасов стал участвовать в «Свистке» самым активным образом, писал памфлеты, стихотворные фельетоны, умело пользуясь сарказмом, гротеском, и даже придавая некоторым произведениям водевильный характер. Так в 1865—1866 гг. были написаны сатирические «Песни о вольном слове», и, пожалуй, венцом творческой деятельности поэта на сатирическом поприще стала поэма «Современники» (1875).

«Но как бы ни были разнообразны те жанры, которыми определялись стилистические особенности каждого произведения Некрасова, существовал один общий закон, которому были подчинены они все,— закон типизации поэтических образов. Закон этот предъявляет к каждому художнику (в какой бы области он ни творил) самые суровые требования, и, только исследуя работу поэта над рукописями, мы получаем возможность увидеть... каковы были его усилия в борьбе за типическое... Случайные, третьестепенные, нетипичные мелочи жизни могут временами заслонять от писателя основное и главное...писателю приходится отбрасывать от себя весь этот мусор, мешающий осмыслить те факты, которые подлежат обобщению» (2). И ведь можно и должно для художника слова предугадывать нарождаю-

жуюся типизацию, что ярчайшим образом продемонстрировано Некрасовым в эпопее «Кому на Руси жить хорошо»: поскольку «в исторической обстановке шестидесятых-семидесятых годов ни Савелий, богатырь сятोरусский, ни Яким Нагой, ни Григорий Добросклонов не олицетворяли собой часто повторяющихся, обыденных явлений. Но они выражали сущность своей социальной среды, в их образах поэт запечатлел те процессы, которые явно намечались в жизни тогдашней многомиллионной «вахлачины», и оттого эти образы приобрели такой громадно-обобщенный характер» (2).

Но творчеством, даже столь широкого диапазона и во многом новаторским, увы, не исчерпывалась жизнь Н. А. Некрасова. Первая половина 60-х годов XIX века была в Российской империи временем весьма сложным и даже тревожным. Ведь отмена крепостного права и последовавшие за ней либеральные реформы, например, та же судебная, повлекли за собой гигантскую, если угодно, «турбулентность» общественных процессов, дворянство переставало быть господствующим классом, спонтанно становясь на путь оппозиционный правительственному курсу, определяемому инициативами государя-императора, стремительно нарождалась буржуазия, становившаяся новым господствующим классом, сосредотачивая в своих руках прежде всего мощнейшие финансовые инструменты влияния на все, в империи происходящее, разночинное «свободомыслие» зашкаливало в крайние формы, правда, ведущие лишь к одному, а именно к неизбежному кровопролитию, к террору. Странное свойство неконструктивной оппозиции, что либеральной, что революционно-демократической, — любые даруемые государством свободы почитать за слабость одного государства и стремиться использовать сии свободы в целях борьбы с государственным строем, избирая для этого коварные или откровенно кровавые способы. В такой сложной общественно-политической обстановке институт цензуры не ослабил давления на литературу «революционных демократов», и, как мне кажется, государь-император Александр Николаевич (Александр II Освободитель) был здесь совершенно не при чем. Ему попросту было в те годы не до цензуры, которая действовала по уже отработанным схемам и канонам, не испрашивая новых установок и наставлений свыше.

В 1862 г. журнал «Современник» был «остановлен за вредное направление» (2) на восемь месяцев, а в 1866 г., после покушения на жизнь самодержца, совершенного террористом, недоучившимся студентом Дмитрием Каракозовым (членом тайной, якобы учрежденной для народного просвещения, революционной секты «Организация»), журнал закрылся навсегда. О готовящемся закрытии Николая Алексеевича 14 апреля уведомил тайной запиской Ф. М. Толстой, который кроме своих занятий музыкальной критикой и литературой состоял и в должности цензора. А через два дня Некрасов, очевидно дошедший до крайней степени отчаяния в попытках спасти «Современник», публично читает на обеде в Английском клубе написанную им оду генералу от инфантерии М. Н. Муравьеву-Виленскому, которого за решительные и весьма крутые меры по подавлению польского восстания 1963 г. представители и либералов, и народников звали не иначе как Муравьев-вешатель, Муравьев-людоед, Муравьев-палач. Оценка этого государственного деятеля лежит за пределами темы данного повествования, поэтому хочу лишь обмолвиться, что восстания против государственного строя необходимо прекращать именно упомянутыми мерами, то есть круто и решительно, и никак иначе, поэтому одиозность генерала, лишь честно и без колебаний выполнившего свой долг, была весьма преувеличена сумасбродными крикунами и трепачами самого разного толка, готовыми вопить благим матом как по любому поводу, так и вообще без оногo. А если честно, то основным «крутым» методом генерала Муравьева было введение усиленного налогообложения польских помещиков и лишение тем самым восставших финансовой базы, чего последние вполне ожидали и не могли ему «простить».

Кроме оды Некрасова, кстати, было ведь еще и стихотворение Ф. И. Тютчева, его

возмущенный ответ, даже своего рода отповедь, хоть и весьма интеллигентно изложенная, генерал-губернатору Санкт-Петербурга А. А. Суворову, назвавшему Муравьева людоедом. Но стихи Тютчева отнюдь не вызвали столь бурного негодования как строки оды Некрасова и последующих его оправданий:

*Бокал заздравный поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здоровье миротворца края...
Так много ж лет ему... Ура!*

*Пускай клеймят тебя позором
Надменный Запад и враги;
Ты мощен Руси приговором,
Ея ты славу береги!*

*Мятеж прошел, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдет;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнет.*

*Вздохнет, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор.*

*Нет, не помогут им усилья
Подземных их крамольных сил.
Зри! Над тобой, простерши крылья,
Парит архангел Михаил!*

Безусловно, эта ода обошлась Николаю Алексеевичу очень и очень дорого. Тем паче, что журнал все одно был закрыт. Многие единомышленники Некрасова, поклонники его творчества, сотрудники «Современника» и даже члены Английского клуба навсегда отвернулись от поэта и остаток жизни он провел в очень непростой обстановке, когда отношение к нему определенной части общества было откровенно отрицательным и неуважительным. Порицания, доходящие до шельмования и оскорблений, не просто огорчали Некрасова, но наверняка отняли у него не один год жизни. Критическими высказываниями, и довольно жестокими, не погнушались даже такие полярные по взглядам литераторы, как А. А. Фет и А. И. Герцен. Реакционно настроенные люди глумились и злорадствовали, некоторые «горячие головы» рвали публично портреты Некрасова или, написав на них слово «подлец», высылали поэту по почте. Затравленный Некрасов ответил всем так: «*Да, я подлец, но и вы подлецы. Оттого я подлец, что я ваше порождение, ваша кровь. Вашего суда я не признаю, вы такие же подсудимые, как и я*» (1). Однако же эта мука оставалась с ним до последних его дней. В конце жизни он даже признавался, что ему кажется, будто висящие в его кабинете портреты Белинского и Добролюбова смотрят на него укоризненно. Но как бы то ни было, а через два года после закрытия «Современника», вновь сблизившись в А. А. Краевским, Николай Алексеевич арендует у него журнал «Отечественные записки» и вновь делает его органом «боевого народничества», активно сотрудничая, в частности, с М. Е. Салтыковым-Щедриним, который руководил в журнале отделом беллетристики. С «Отечественными записками» сотрудничали А. Н. Островский, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, В. А. Слепцов, Н. Н. Златовратский и другие представители народнического и крестьянского направления в литературе.

Конечно, опасаясь за судьбу «Отечественных записок», Некрасов вынужден был быть сдержаннее при составлении номеров журнала, но дух свободомыслия сдерживать было весьма сложно, о чем свидетельствует стихотворение 1868 г.

*Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!*

*Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..*

Поэт продолжает работу над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» и пишет своих знаменитых «Русских женщин», сначала поэму «Княгиня Трубецкая» (1871), а позже «Княгиня М. Н. Волконская» (1872). Поэт стремится создать героические образы самоотверженных женщин, которые должны послужить идеалом для революционной молодежи семидесятых годов и обессмертить их подвиг, на который они решились движимые силой любви... Вот тут, на мой взгляд, опять явно видно основное противоречие между православной моралью и культурой и всяческими «революционными» постулатами и теориями, занесенными, как зловредные плевелы, протестантским ветром с запада. Революция никакой любви не предусматривает, она благословляет подлость, смерть, кровь, уголовщину; кто не согласен, читайте внимательно биографии и «сочинения» Бакунина и Нечаева; а уж подвиг жен декабристов, то есть верных подруг людей, в большинстве офицеров, дворян, порой весьма и весьма родовитых, столбовых, изменивших присяге и долгу, государственных преступников, планировавших не только кровавое истребление царствующей фамилии, но и развал Российской империи, подвиг этих великих женщин и был обусловлен и совершен огромной любовью и следованием Божьим заповедям.

*Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб..*

.....

*Под караулом казаков,
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут
Трудненок путь! Да вот-с каков:*

*Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!*

Работа над «Русскими женщинами» была основана на подробнейшем изучении «Записок» княгини М. Н. Волконской и на их глубоком анализе, на отборе самого существенного для поэтического повествования, так как Некрасов не желал «зарываться в нетипичные мелочи», в бытовые подробности, явно помешавшие бы создать монументальное и многоплановое полотно, руководствуясь своей же эстетической заповедью: «...важен в поэме // Стиль, отвечающий теме», «*придав сказанию о замечательных русских подвижницах тот торжественно-приподнятый (но нисколько не напыщенный) стиль, который из всех его прежних поэм встречается однажды: в поэме «Мороз, Красный нос», особенно во второй его части»* (2). Огромную работу, тщательную селекцию фактов, проделанную Некрасовым при изучении первоисточников, на основе которых писалась поэма, еще при жизни автора отмечал критик «Отечественных записок» А. М. Скабичевский, но ему представлялось что «*всю эту селекцию фактов, это воссоздание типических черт «в несколько преувеличенном виде» Некрасов произвел бессознательно: «не то, чтобы сам он все это искусственно, преднамеренно проделал, но как-то это само собой совершилось, силою его творческого пафоса»* (2).

Однако подобный подход был для Некрасова осознанным принципом, ибо «*сознательное начало всегда руководило его творчеством»* (2). Кстати сказать, столь же осознанный и продуманный отбор материала лежит и в основе работы поэта над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Я считаю это произведение не просто поэмой, а эпопеей, панорамой, где главные ее герои сознательно идеализированы и лишены тех «бытовых и неприглядных» черт, присущих в определенных ситуациях человеку вообще и русскому крестьянину в частности. К тому же несколько наивная «*мечта о богатстве крестьян, свободных от помещичьего гнета и обладающих достаточным земельным наделом»*, (2) неотступно владела умом и сердцем поэта, скорее всего не вполне осознающего всю глубину и сложность аграрного вопроса и невероятную трудность его разрешения в Российской империи, требующего прежде всего времени и довольно смелых, зачастую новаторских и последовательных шагов правительства при обязательной общественной поддержке, что подтвердилось уже в веке XX, в процессе сельскохозяйственных реформ, проводимых премьер-министром П. А. Столыпиным, по воле государя-императора Николая Александровича.

Некрасов, будучи сыном своего века и представителем своего класса, отнюдь не был свободен от характерных сословных черт и, несмотря на всю приверженность «революционной демократии», от многих интеллигентских заблуждений тех лет. К великому сожалению, он не вполне, к тому же, осознавал силу своего пламенного слова и призывов к борьбе за так называемую свободу, а также их влияния на молодежь той поры, на студенческую среду прежде всего. А ведь провозглашаемая в его стихах борьба за идеалы справедливости и свободы привела к тому, что избранное средство очищения общества оказалось жутким и кровавым. Конечно, кроме «Народной воли», был еще и вполне мирный «Черный передел», но именно в в 60-е и 70-е годы XIX в. начался в России тот кровавый и преступный путь безответственных «бунтовщиков», который прямоком привел их к боевой организации эсеров и неминуемому кровопролитию в начале XX века с не менее преступным и кровавым продолжением, а именно крушением империи Российской и прерыванием естествен-

ных процессов этно, социо и культурогенеза русского народа. Как однажды, хоть и по иному поводу, выразился Л. Н. Гумилев, «лекарство оказалось страшнее болезни». И, надо полагать, поэзия Некрасова играла для неустойчивых умов и душ роль своеобразного катализатора в переходе от слов к преступным деяниям.

Николай Алексеевич — человек весьма противоречивый и совмещавший в себе взаимоисключающие, казалось бы, черты и привычки, наверное, во многим заслужил двойственное отношение к нему современников, в особенности его коллег, друзей, многие из которых (А. А. Фет, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой и др.) со временем порвали с ним отношения. Наряду с провозглашаемыми идеалами добра и справедливости, призывами к борьбе за счастье народное, обличением общественных язв и пороков, наконец, наряду с изнурительным литературным трудом, в повседневной жизни Некрасов очень даже был непрочь пожить и в свое удовольствие, мало в чем себе отказывая, а для сего всегда был готов на разного рода предприятия, ведущие к умножению состояния, к элементарному обогащению. Это и весьма расчетливая, выверенная и очень трезво совершаемая карточная игра в Английском клубе по детально разработанной схеме: где играть, в какие игры играть, с кем играть и в каком состоянии; это и различного рода манипуляции на издательском поприще, использование рукописей других авторов в откровенно коммерческих целях, участие, например, вместе с А. Я. Панаевой в тяжбе о наследстве супруги поэта Н. П. Огарева, что привело, опять-таки, к разрыву с Тургеневым, откровенно барские привычки к псовой охоте, его весьма эпикурейское отношение к прекрасному полу... Я ни в малой степени не стремлюсь осуждать талантливейшего представителя русской литературы, но что было, то было.

Кстати, существует мнение, одними подтверждаемое, иными нет, что свою вторую супругу, крестьянскую девушку Феклу Анисимовну Викторovu, Некрасов выиграл в карты у некоего купца Лыткина, причем, партия сия состоялась спустя девять лет после отмены крепостного права. В результате Фекла Анисимовна стала Зинаидой Николаевной Некрасовой — законной женой поэта, несмотря на двадцатипятилетнюю разницу в возрасте. Некрасов, судя по всему искренне полюбивший молодую супругу, однако же никогда не скрывал, что сохраняет чувства и к Авдотье Панаевой, и к французской актрисе Селин Лефрен, роман с которой у него вспыхнул в 60-е годы и которой он оставил по завещанию три тысячи рублей. Надо сказать, что второй жене он оставил гораздо большую сумму наследства. Пылкость нрава тут наверное соединялась в определенной привычке или врожденном свойстве мало в чем себе отказывать, все-таки природное барство, в самом неприглядном толковании сего понятия, и тягу к вседозволенности очень трудно изжить сразу, в одном поколении, да еще при столь «нравственно распущенных» предках. Вот такой клубок противоречий и самых взаимоисключающих страстей, получается, и не давал покоя душе выдающегося художника слова, и весьма осложнял ему жизнь.

«Наиболее серьезным с творческой точки зрения было обвинение Некрасова в том, что он не верит в то, за что борется, то есть что он просто обманщик. Такое мнение было тоже весьма распространенным. В частности, это утверждали Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, А. А. Григорьев, В. П. Боткин, композитор П. И. Чайковский, композитор Ю. К. Арнольд, историк Н. И. Костомаров и многие другие. «В стихах печалится о горе народном, а сам построил винокуренный завод!» — возмущались А. И. Левитов, Я. П. Полонский, М. В. Авдеев. А. К. Голубев в своих воспоминаниях о Некрасове изумлялся, что тот клеймит существовавшее в Петербурге «Обжорное общество», описывает для контраста голодных, замученных бурлаков, а через несколько лет выясняется, что сам Некрасов состоял в этом обществе и обедал там наравне со всеми. Фет описывает, что Некрасов, порицая в литературе тех, кто вбивал от мальчишек гвозди острием вверх на запятках экипажа, сам имел ровно такие гвозди на своей коляске» (1). Неспроста же в свое время тот же Фет

нарек именем Некрасов своего ослика, запрягаемого в повозку, на которой Афанасий Афанасьевич объезжал угодя своего имения.

Да, в поэзии тех же 60-х годов XIX сформировалась так называемая «некрасовская школа». К ней, в частности, можно отнести «короля русской рифмы» Дмитрия Минаева, Ивана Никитина, Василия Курочкина. Безусловно, сам Некрасов и его творчество гораздо мощнее всего, что сделали в литературе его последователи, однако наряду с гражданскими и революционными мотивами поэзия Николая Алексеевича, несомненно, была в большинстве своем и «поэзией сердца», как говорил о ней Белинский, искусством искренним и душевным. Именно эта особенность и привлекала к его стихам читателей. И когда в 1875 г. стало известно о смертельном недуге Некрасова, у него обнаружили рак кишечника, в его адрес стали приходиться многочисленные письма с теплыми словами поддержки и участия, что придало ему определенные силы и вдохновило на новые свершения на литературном поприще, я имею в виду «Последние песни».

*Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!
Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!*

Одним из тех, кто раньше прочих познакомился с «Последними песнями», был выдающийся русский художник И. И. Крамской, написавший знаменитый портрет смертельно больного Некрасова в постели, но с листком бумаги в руке, и с таким пронзительным, мудрым, устремленным в себя взглядом. Истинный поэт, русский литератор Божьей милостью, встречал неумолимо приближающуюся кончину мужественно, в ясном уме и с редкой твердостью духа, о чем свидетельствует Ф. М. Достоевский, навещавший Некрасова за месяц до его ухода из жизни. Перед самой смертью Николая Алексеевича разбил паралич, но он покинул этот мир с высоко поднятой головой. Это случилось 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года) в 8 часов вечера.

*Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»...*

*...Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужы нестерпимой:
Я схороню тебя весной.
Не бойся горького забвенья:*

*Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!...»*

Проводить поэта в последний путь пришло огромное количество людей. Его похороны стали первым случаем всенародной отдачи последних почестей писателю. Прощание с поэтом началось в 9 часов утра и сопровождалось литературно-политической демонстрацией. Несмотря на сильный мороз, толпа в несколько тысяч человек, преимущественно молодежи, провожала тело поэта до места вечного его успокоения на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Молодежь даже не дала говорить выступавшему на самих похоронах Достоевскому, который отвел Некрасову (с некоторыми оговорками) третье место в русской поэзии после Пушкина и Лермонтова, прервав его криками: «Да выше, выше Пушкина!» Этот спор затем перешел в печать: часть поддерживала мнение молодых энтузиастов, другая часть указывала на то, что Пушкин и Лермонтов были выразителями всего русского общества, а Некрасов — одного только «кружка». Были и третьи, которые с негодованием отвергали самую мысль о параллели между творчеством, доведшим русский стих до вершины художественного совершенства, и «неуклюжим» стихом Некрасова, по их мнению лишенным всякого художественного значения.

В погребении Некрасова принимали участие представители «Земли и воли», а также другие революционные организации, которые возложили на гроб поэта венок с надписью «От социалистов» (1).

Основное противоречие Н. А. Некрасова пролегло, конечно же, между его поэтическими идеалами и его линией жизненного поведения, которую определяла и жесткая порой повседневность, и слабости его человеческой природы. Мне думается, что Николай Алексеевич, как настоящий художник, был искренен во всех своих проявлениях, и в лучших, и в неприглядных. Такой вот получился симбиоз воспеваемой силы духа и лучших душевных качеств человеческих и откровенной слабости и неразборчивости того же человека в предлагаемых реалиях обстоятельствах. Но каков бы ни был Некрасов человек или, если кому-то угодно, помещик, картежный игрок и прочая, никто не может отрицать истинного его литературного таланта, духовной силы его поэзии и влияния его творчества на читательскую, в особенности молодежную, аудиторию, длящегося уже в течение практически ста восьмидесяти лет. Высокое страдание и сострадание, гневная отповедь казенщине и канцелярщине, искренние призывы к борьбе за счастье народное, до сих пор звучат очень свежо и убедительно. Просто нужно помнить и понимать, читая Некрасова, что все вышеозначенное, в особенности народное счастье, никогда не достигается на баррикадах и вообще никаким кровопролитием, но только совместным трудом, трудом тяжелым, кропотливым, и, к великому сожалению, весьма и весьма длительным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) — по материалам электронной энциклопедии «Википедия» (свободный доступ в сети Интернет).

(2) — по материалам К. Чуковский. Мастерство Некрасова, Государственное издательство художественной литературы, М. 1962. Стр. 728.

**Владимир Трусов,
г. Мончегорск**

